
Александр Логинов

**БУЛЬДОЗЕР
НА ЯКОРЕ**

Роман в рассказах

Издательская группа «Чёрная Белка»
Москва, 2010

УДК 82—32
ББК 84(2Рос-Рус)
Л69

А. В. Логинов
Л69 Бульдозер на якоре. Роман в рассказах. — М.: ИГ «Чёрная белка», 2010. — 264 с.
ISBN 978—5—91827—007—3

Стройбат овеян ореолом зловещих преданий. Стройбат называют самыми страшными в мире войсками. Стройбат подобен кровавому боже-ству, которое жаждет новых и новых жертв. Стройбат приходит внезапно, как большая беда. Редкий призывник не падает в обморок, услышав приговор военкома: «В стройбат!». Мамаши пугают стройбатом малых детей: «Если будешь плохо себя вести, сынок, в стройбат попадешь!» — «Мама, а что такое стройбат?!» — таращит в ужасе глазки малыш. Молчит мама, не даёт ответа.

Вместо неё на этот вопрос отвечает книга, автор которой два года испытывал душу в сибирском стройбате. И хотя это было далеко не вчера, эпоха для стройбата значения не имеет. Рушатся судьбы, империи и режимы — один лишь стройбат не меняется. Стройбат — это государство в государстве. Символ которого — бульдозер на якоре, лопата и орёл с четырьмя крыльями.

УДК 82—32
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978—5—91827—007—3

© Логинов А. В., 2010
© Издательская группа
«Чёрная белка», 2010

БУЛЬДОЗЕР НА ЯКОРЕ

Вместо пролога

Военная геральдика существует в России примерно три века. Сам Пётр Первый завёз её из Голландии вместе с картошкой и корабельным уставом.

В советские времена службе военных герольдов удалось не только выжить, но и приумножить вековые традиции. О чем свидетельствовали, помимо прочих кокард и нашивок, эмблемы родов войск.

Советские военные эмблемы были логичными, доходчивыми и лаконичными.

К примеру, у пушкарей, то есть артиллеристов, опознавательным знаком служили два скрещенных ствола, напоминавшие две пиратских берцовых кости.

У летунов, то есть лётчиков, гвоздевым элементом эмблемы были куриные крылышки, которые до сих пор обожают американцы.

Медиков опознавали по фужеру с гадюкой, который напоминал солдатам, старшинам и офицерам, что алкоголь сродни змеиному яду.

А у танкистов всё было и того проще — символом скорострельности их бытия служил простой танк, безо всяких там геральдических рюшек и бантиков.

Но у правила было и исключение.

Исключением по закону совгеральдического каприза были военно-строительные войска. У стройбата эмблема оказалась не просто мудрёной, но и, отчасти, мистической.

Впервые на этот таинственный символ я наткнулся в ископаемом детстве, но тогда, по причине малолетней беспечности, не обратил на него никакого внимания.

Ну, бегала в заводскую столовку на шоссе Энтузиастов запылённая солдатня, грохочущая кирзачами и матерком.

Ну, шугала ситцевых девушек тлетворными комплиментами. Ну, меняла у ребятни и старьёвщиков золотые эмблемки на медные трёшки и пятаки. Ну, отблевывалась пёстрым борщом на задворках кафе «Василёк».

На гражданке, тем более из запескарья ребячества, краснокожие великаны в потных хламидах казались гостями из будущего, которое я на себя по наивности не примерял.

Всерьёз же я задумался о причудах военной геральдики многие годы спустя. Когда, натянув на себя после бани хэбуху 52-го размера, получил из рук старшины Бойчука две эмблемки, которые мне полагалось пришить на байковые петлички.

— Товарищ старшина, разрешите вопрос?

— Где салаге купить папирос? — ухмыльнулся прапорщик, пытаюсь закрыть дребезжащими лапами жестяную коробку из-под леденцов.

— Товарищ старшина, я серьёзно. Вопрос можно?

Под натиском рук старшины крышка коробки хрупнула, будто огурец раскусил.

— Ну, разрешаю, — лениво откликнулся старшина, прищурив синеватые веки.

Эта подвечная синева долго не давала салагам покоя. Кто-то из нас даже предположил, что у прапорщика голубоватые не только веки, но и натура. Однако разгадка пришла с неожиданной стороны. Вернее, разгадку принесли деды на одеяле и бережно уложили на кровать в канцелярии.

— Ша, мелюзга, — сказали деды. — Старшина в сисяру надрался и отдыхает. Если кто залает, тому пасть порвём.

Носильщики тоже едва на ногах держались и потому расползлись по ближайшим шконкам. Шконками в сибирском стройбате называли двухъярусные койки в казарме.

Минут через десять в канцелярию потянулись смелейшие из салаг. Витька Шибай, Цыпа, Бека, Отец Ондатрий, Зубеныш. Все как один возвращались оттуда с огорошенным видом и необъяснимо шептали:

— Не буди! Не буди!

«Ясное дело — зачем же старшину будить?» — подумал я и вслед за другими осмелился прошмыгнуть в канцелярию.

Прапорщик лежал на кровати навзничь, строгий и мудрый, как Ленин в персональной кунсткамере. На опавших веках Бойчука синела густая наколка: «НЕ БУДИ»...

— Товарищ старшина, а что собой символизирует стройбатовская эмблема?

— Как что? — удивился прапорщик, запихивая банку с эмблемами в какую-то бельевую расщелину. — Ты что — сам не видишь?

— Ну, тут как-то странно. Бульдозер в каком-то колесе. Нет, даже в какой-то шестерёнке. Или это — пила циркулярная?

Старшина вдруг подпрыгнул, вытянув руки вверх, как балетная прима, выхватил из невидимых антресолей тетрадку и ударом ладони рассёк её на две неравные части. По всей видимости, это был конспект офицерских политзанятий.

Бойчук с минуту шерстил тетрадку неуклюжими пальцами, проговаривая вполуслух случайные междометия.

Потом облегчённо вздохнул и сказал:

— Это, боец, не циркулярка и не шестерёнка, а щит. Се-чёшь мазу? Символ защиты родины и отечества. Кроме того, щит может служить и оружием нападения. Если использовать его как секиру. Ну, а бульдозер означает, что ты ещё и вкалывать должен. Как моторно-механический агрегат. Типа трактора с отвалом. Каковым и является бульдозер. Ну, есть ещё всякие скреперы, грейдеры, пит-лаудеры и прочие землепроходческие машины, но ты их вряд ли в стройбате увидишь.

Старшина бросил отработанную тетрадку на пирамидку из парадных ботинок.

— Это понятно. Но тут ещё якорь есть. Якорь-то здесь причём? Это что же, бульдозер на якоре получается?

— Ну-ка, бульдозер на якоре, дай-ка сюда эмблемку.

Старшина потискал в пальцах золотую козявку.

— Ишь ты! Четырнадцать лет в стройбате служу и никогда этого якоря не замечал.

— А вот ещё сверху молнии какие-то. И звёздочка.

— Ну, молнии-звёздочки — это понятно, — снисходительно сказал старшина. — Это когда у начальства звёзды-молнии из глаз прыщут. Ну, вот как-то так. А вот насчёт якоря ничего сказать не могу. Это, мля, какая-то мишура. Ты лучше у комроты спроси.

Я пошел к капитану Рябцеву по кличке Танкист.

Командир карантинной роты сидел в канцелярии и что-то сточил в блокнот, зловеще похрюкивая. Капитан страдал хронической недостаточностью носоглотки и потому всегда имел при себе пузырьёк с каланхоэ.

На бархатных командирских петлицах вместо бульдозера бычился танк.

Года четыре назад капитана-танкиста депортировали в стройбат за дебош с мордокровием. С тех пор он не мог найти время для смены эмблемок. Или просто не видел особой разницы между танком Т-62 и бульдозером Т-140.

Капитан Рябцев так объяснил мне бульдозер на якоре:

— Видите ли, молодой боец. Это не якорь, а так называемая кошка ручная, строительная. Строительная кошка предназначена для перемещения грузов в цехах, на складах и монтажных площадках при небольших грузопотоках с малыми скоростями перемещения грузов.

— Товарищ капитан, я до армии немного работал на стройке. И видел там строительную кошку. Она — немного другая.

— Товарищ рядовой, как ваша фамилия?

— Волков, товарищ капитан.

— Так вот, рядовой Волков. Уж и не знаю, как вам это помягче объяснить, — с подозрительной робостью сказал комроты. В характере капитана удивительным образом уживались безбашенность и чистоплюйство. — Понимаете, мне очень хочется вас ударить, так чтобы у вас из глаз молнии блыгнули, как у бульдозера на эмблеме, но, с другой стороны, мне совсем не хочется стать старлеем. Я доходчиво объяснил вам свою мысль?

— Так точно, товарищ капитан! — сказал я и отправился искать правду к дедам, которые обитали в соседней казарме.

Деды, то есть старослужащие, правду, как водится, знали, и без утайки о ней поделились:

— Слушай сюда, салабон, — сказал мне помятый герольд Емеля с тремя золотыми фиксами из латуни и тигром на развёрстой груди. — Что ты видишь на эмблемке? Колесо, звёздочку, молнии, бульдозер и якорь. Так? Объясняю вкратце, что это значит. Начальство носится, как белка в колесе, мечет громы и молнии, а мы стали на якорь, съели по колесу — и хер нас бульдозером сдвинешь. Ясно, земля?

— Ясно. Только я белки на эмблемке не вижу.

— Я знаю, что ты москвич, — дружелюбно сказал Емеля. — И поэтому на первый раз тебя прощаю. Знай же, что белочка — это верный соратник и спутник военного строителя. Хотя является она не всякому. Явление белочки ещё заслужить надо.

Между прочим, на форме Емели тоже не было опознавательных знаков стройбата.

На петлицах его хэбухи поблескивал череп с перекрещенными костями.

Этот модный в стройбате гибрид сочинялся из двух эмблемок: сначала на петлицу лепился в перевёрнутом виде подточенный надфилем знак инженерных войск, очень похожий на нарядный человеческий череп, а снизу припиливался, уже безо всякой доводки, знак пушкарей, то есть эмблемка в виде двух берцовых стволов.

— А бульдозер? Тоже верный соратник и спутник? — сказал я.

Емеля почесал тигра за ушком и сказал:

— И опять я тебя прощаю.

Всё это казалось мне странной и даже забавной игрой. Реальной опасности я не чувствовал, поскольку не ведал ещё, насколько свиреп и беспощаден стройбат.

— Слушай меня последний раз. Бульдозер и белка — едины и неделимы, как сиамские близнецы. Тебе этого, салабон, пока не понять, поскольку ты службы не знаешь. А когда поймёшь, так все вопросы с тебя опадут, как цветочные лепестки с дюймовочки.

— А вот у меня в детстве игрушка была. Пластмассовая дюймовочка. А сбоку такой рычажок...

Емеля поднес мне к лицу бледный кулак.

— А вот сейчас, салабон, точно клюну в торец!

На Емелином кулаке плескался наколотый якорь.

И я понял, что пришла пора прекращать разговор.

Поскольку теперь я приблизительно знал, что означает бульдозер на якоре.

Тем более, что все мы в какой-то мере суть ветреные бульдозеры на многотонном якоре будней.

Начиная с исконной младости и кончая инакомладостью.

Наша душа жаждет свершений и подвигов и для этого расчищает вокруг себя как можно больше места и времени. В то время как материальные поползни в виде семьи, работы и денег ставят нас мёртво на якорь, усекая пространство реальных действий радиусом ржавой цепи. Стройбат впервые заставил меня задуматься над этой извечной истиной, за что я ему благодарен. Конечно, в эпоху стройбата мою чистую голову редко посещали такие глюки добровольного закрепощения, как семья и работа, но жестокая клеть стройбатовского бытия исподволь приучала меня к тому, что я призван в жизнь не для радости, но для печали.

Прилепив себе на петлицы бульдозер на якоре, я символически пригвоздил себя к жизни в причудливом мире, где главное считается несущественным, а мелкое выдаётся за главное.

МИРАЖ

Жорик и Гурик сплотились плечом к плечу на дне квадратной глиняной ямы, опершись спинами древних бушлатов о веснушчатый её склон и лениво пиная подошвами кирзачей горку из рыхлых комьев.

В левом от них углу пылко жались друг к другу две лопаты — совковая и штыковая — с кривыми рукоятками. Выцветшие пилотки и серые рукавицы-верхонки облюбовали самый уютный ком на макушке тотемного холмика и распластались на нём, подрагивая от удовольствия на застенчивом солнце алтайской осени.

Яма получилась внушительная и красивая.

Жорик и Гурик искренне любовались случайно содеянным.

Однако до связки жирного чёрного кабеля нужно было копать ещё около полуметра вглубь. Дело предстояло серьёзное и деликатное, поскольку остриями лопат можно было поранить шкуру чернокожего осминога, пропоров её до свинцовой обмотки, которая защищала от внешних угроз косицу медных жгутов в разноцветном убранстве.

Тем не менее бойцы к работе приступать не спешили.

Времени у бойцов оставалось достаточно, потому что земля им выдалась мягкая и сговорчивая, как девка из поселка Ребриха. Лишь через два часа за ними примчит на «газоне» гражданский водила с гражданским подрядчиком в кузове. Подрядчик, улыбочивый альбинос, недавно окончивший местный строительный техникум, любил бултыхаться в скрипучем древесном коробе. Оттуда гораздо лучше обозревались окрестности и, главное, — квадратные родинки на бледном теле степи.

Каждый квадратный пробой обнажал созвездие чёрных кабелей с зелёной коробочкой в центре. Кабели имели вопиющее стратегическое значение и, как следствие, покрывали мелкоячеистой сетью всю плоскогрудую алтайскую степь. Все созвездия были помечены кляксами на секретной карте подрядчика, которой его снабдили военные под подпись о неразглашении.

Каждое созвездие нужно было регулярно вскрывать и проверять по специальной методе на боеготовную вшивость, а затем быстро заравнивать с близлежащей землёй, чтобы враг со спутника не успел ничего заподозрить.

Ранним утром «газон» развозил по гулкой степи третий взвод пятой роты военно-строительной части №52163, стряхивая по паре вооруженных лопатами и ломачами бойцов у каждой ещё не проверенной «кляксы». До выброса в степь бойцы дремали на лавках, заключенных вдоль каждого борта грузовика, и по команде подрядчика десантировались двойками через отклянченный борт в полусонную дымку алтайской степи.

Двойки не были постоянными. Только заостренелые корифаны создавали прочные трудовые союзы. Жорик и Гурик же в дружбамах не ходили. Не с чего было. Уж очень они были разные.

Жорик, или Георгий Георгиевич Варгизянов, обладавший раритетной национальностью ассирийца, хорошистом закончил московскую школу, провалил экзамены в Московский инженерно-строительный институт, с дворовой гнусавостью брэнчал на гитаре песни «Самоцветов» и «Весёлых ребят» (знал даже кое-что из подпольной «Машины» и «Високосников») и в довесок к постылой школьной программе прочитал три десятка приключенческих книг.

Гурик, он же Гурков Владимир Петрович, уроженец нефтепоносной Тюмени, безвылазно тракторачил до восемнадцати лет в селе Ивантеевка — лишь однажды выбирался с классом в областную столицу на краеведческую экскурсию. На экскурсии старшекласники поспешили надраться бордовым пойлом, которое кроме цвета и градуса не имело

ни малейшего отношения к продукту французских кудесников, и вели себя на улицах, в общественных заведениях и музеях вызывающе непотребно. Они и сами не понимали, что за бес в них вселился, потому что в деревне почти все они, включая Гуркова, вели себя тише сломанной сенокосилки «Вихрь» и ниже местной речушки Вагайка, и даже генетическим матом ругались вполголоса.

«От робости и надрались!» — запальчиво выгораживал всех перед директором школы отличник Колька Малютин. Но директор подобных экспериментов более не повторял. Так и держал старшекласников в беспаспортной заперти вплоть до призыва в армию.

К числу примечательных черт Гуркова относились феноменальная флегматичность и способность прогонять в кратчайшие сроки через свой молодой организм огромные порции любых мало-мальски съедобных продуктов.

Вот и сейчас, сидя на дне роскошной квадратной ямы, Гурик мечтал о еде.

Пошевелив каблук сапога блестящую рыжую глыбу, Гурик толкнул Жорика в плечо и мечтательно произнес:

— Жорик, а, Жорик? А вот ты бы съел такой кусок сливочного масла?

Жорик, который за долгие месяцы насильно совместной службы слышал от Гурика этот вопрос уже сотни раз, вздохнул и мягко ответил:

— Нет, Гурик. Он слишком большой.

Гурик тоже вздохнул и сказал:

— А вот я бы, наверное, съел. Честное слово. Без мля.

Жорик загнусавил «Алёшкину любовь», помогая себе хлопками ладоней по звонкому животу, стянутому ремнем с надраенной и заточенной по краям пряжкой:

— «Говорят, что некрасиво, некрасиво, некрасиво отбивать девчонок у друзей своих...»

Гурик ткнул носком сапога в соседний глиняный шмат, вздохнул и сказал:

— Жорик, а, Жорик? А вот такой вот кусок сливочного масла ты бы съел?

— «Это так, но ты с Алёшкой несчастлива, несчастлива, а судьба связала крепко нас троих...»

— Жорик, а, Жорик? Ты чё, не слышишь? Ты съел бы вот такой кусок масла?

— Гурков, шёл бы ты на хер! Ну загребал ты меня этими идиотскими вопросами! Не понял, что ли?

— Ты чё, Жорик? Я ж не в обиду. Это же интересно. Правда. Я бы, к примеру, вот этот вот — точно бы съел. И вон тот. И вон тот. А вон смотри — мля! — совсем маленький. Этот бы даже и Русачок скушал.

Русачком прозывали и вправду русоволосого малорослика Петеньку Русакова из той же Тюмени, который заискивающе улыбался всем напролёт, даже последним чмошникам, и предлагал неведомо где раздобытые окурки-бычки приличной кондиции.

— Послушай, товарищ! Ты мне хорошую песню шизой перебил. Я вообще сливочное масло не ем.

— Ты чё, Жорик? Своим-то не надо! Когда сегодня Белоглаз на завтраке порции делил, кто первым себе самый большой кусман оттяпал? Чё, скажешь, не так?

— «Как же бы-ы-ть, как быть. Запретить тебе себя... тьфу!.. себе тебя любить. Не могу я это сделать не могу-у...»

— Эх, «Примочку» бы сейчас зашобить или «Беломорчика». Не зря я про Русачка вспомнил. Хоть чинарик такусенький! — Гурик изобразил большим и указательным пальцем левой руки зазор толщиной со спичку. — Курить-то как хочется! Езёна мать! Даже сильнее, чем кушать!

Жорик не курил, да и голод пока его ещё не терзал, поэтому стенания Гуркова разбивались о его равнодушное сердце, как наивные птахи о невидимое стекло.

Хотя бомбу красного он сейчас бы раздавил с удовольствием. Да и Гурков от этого удовольствия точно не отказался бы. Да где ж ее взять, бутылку краснецкого? Или в подражанье Гуркову начать сучить костылями по комьям земли и устроить с ним состязание по вольной белиберде: «Гурик, а, Гурик? А вот ты бы выпил такой бурдюк портвейна «Кавказ»?»

Жорик хлопнул себя кулаками по гладкому животу. Костяшки левого кулака угодили прямо по пряжке.

— Ох, ёханный бабай! Ну, что? За работу? Оголим клубок чернокожих удавов, пришельцев из царства Тартара?

— Чё? — напряжился Гурик.

На непокрытые головы воинов дробно посыпались комья земли и глины.

Жорик и Гурик сначала задрали голые головы к небу, а затем, защитно прищутив глаза, развернули их в сторону беспокоящих действий.

Над ними воронёной статуей ротного командора возвышался заводной военный строитель Севка Никишин.

Когда-то совсем давно, ещё в пору салажьего малолетства, Севка прославился тем, что избил до кровавой тефтели одного липучего дембеля, причём сие посягательство на устои неформального армейского ордена удивительным образом соскочило ему с мозолистых рук.

— Сивуха! Откуда тебя прикатило? — удивился Жорик, вздернув к небу кавказский нос и выкатив из орбит арамейские очи.

— Мужики, я к вам со срочным пакетом от фельдмаршала Кутузова!

— Сев, а Сев? А ты бы съел вот такой кусок масла сливочного? — сказал ему ласково Гурик, подцепив носком сапога крупный кругляш суглинка, напоминавший испражнения птеродактиля.

— Мужики, в соседней деревне медовуху дают. Ноль восемь. По рупь двадцать три. Восемнадцать градусов! Совсем даже нехило!

— Чё? Какую медовуху?

— Чё-чё! Ну, наливку медовую. Так и называется: «Наливка медовая». Барнаульского производства. Чё тут непонятного? Восемнадцать градусов. Не сушняк какой-нибудь недоделанный.

— Ну и чё?

— Опять чё!? Ну, сбегал бы я за парой-тройкой бутылок. Понятно, полено тюменское? Ваши бабки — мой забег.

Третью добычи — моя. А то у меня до полочки ни копы не осталось. Всё с отделением прокиряли!

— Да вы на пару с Дроздом больше всего отделения бухаете. А что за деревня-то?

— А я почему знаю! На хера мне её название! Я только в селпо заскочил. Гляжу — такая роскошь, и никого народу. Только две бабки у прилавка с продавщицей базарят. А до деревни километр-полтора. Не больше.

И Сивуха махнул рукой в направлении зюйд-зюйд-веста.

— Не-е-е-е, — протянул с овечьим прононом Гурик. — Нам это не в кипёшь. Мы лучше сами сгоняем. Нам помощники не нужны.

— А за наводку мне, значит, кидняк обломился? — закипятился Севка. — Ну и козелы вы, ребяташки, однако!

— Ща за козела по рогам получишь, — флегматично предупредил Гурик закипающего на быстром огне Сивуху.

Жорик распряг ремень, а Гурик, подтянув сапоги к груди, легко вскочил на ноги.

Все трое были черпаками со стажем. Иными словами, обладали равным статусом согласно неписаной конституции Военно-строительной унии.

Несмотря на свою борзоту и бодливость, Севка сдержал боевой порыв, взвесив малые шансы на выигрыш диспута острой пряжкой и тупым кулаком.

— Ну и пошли вы тогда, козелы, на хер!

Вслед за Гуриком Жорик тоже вознесся со дна глинобитной палаты и глянул туда, где секундой назад кичливым орлом возвышался Никишин.

Сивуха уже стрекотал по степи, вздымая вокруг сапог пылевые фонтанчики, похожие издали на крылышки ртутного божества.

— Ишь, на шару чего захотел, — меланхолично подвёл итог Гурик.

Жорик и Гурик огляделись.

На горизонте никакой деревушки не наблюдалось.

Только три тополя неподалёку раскачивались в разные

стороны на слабом ветру, словно уже хватили по пузырьку медовухи.

Но мутен был горизонт, сер и грязен, и потому мог обманывать и лукавить.

— Чё, давай, что ли, за медовухой сгоняем, пока белобрысый не прискакал? — предложил Жорик. — Сколько у нас ещё тайма в загашнике?

Гурик задрал левый рукав бушлата и поднёс к самым глазам морщинистый циферблат бывшей отцовской «Славы».

— Час сорок пять у нас есть. Точно. Без мля.

— Значит, копать нам до зелёной шкатулки ещё минут двадцать, — приступил к анализу ситуации Жорик. — Остаётся час двадцать пять. Ну, пусть до деревни не километр, а все полтора. Три кило быстрым галопом — это минут тридцать. В магазине, допустим, ещё минут пятнадцать протопчемся. Отнимаем ещё сорок пять минут. В результате получаем резерв в полчаса с лифуём. Укладываемся, как карлик в двухспальное ложе. Докопаем, когда вернёмся и по пузырьку раздавим. Заодно ударным трудом винный запах из себя выгоним. Потом барнаульским мёдом будем благоухать. Давай теперь бабки считать. У тебя сколько башлей?

— А у тебя?

— Вот кулак деревенский! На сливочном масле замешанный! Трояк у меня.

— А у меня два рубля тридцать пять копеек. И ещё Бекас мне рубль должен.

Жорик исторг из легких весь запас воздуха, вперил в небо глаза и воззвал к ассирийским своим богам:

— Ё-к-л-м-н!!! Бекас ему рубль должен! Гурков, ты хоть понимаешь, что сейчас этот бекасий рубль нас не канаает?!!

— Жорик, я ж не в обиду. Ты чё? Ты спросил, сколько у меня капусты, я тебе честно сказал. Чё кипятиться-то?

— Да ладно. Всё нормально. Заиграли уже. В какую сторону Сивуха показывал? Туда, вроде?

— Точно, — подтвердил Гурик.